

края: «По Амуру живёт очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре» (из письма А.С. Суворину).

Некоторые усматривают в словах Ч. о торжестве «либерализма» на Амуре налёт иронии; однако, даже если она и есть, в гораздо большей степени здесь присутствует элемент полемичности по отношению к Центр. России, к тем порядкам, которые там существуют, к царящему там духу казённости, чиновничества, полицейщины. К моменту появления Ч. на Амуре, действительно, туда ещё не успел проникнуть дух раблепия – мертвящий дух чиновничьей России. Амурская обл. в то время не являлась местом ссылки и тем более каторги. «Политические» жили здесь на вольном поселении, «политический сыск» практически отсутствовал: на всём Дальнем Востоке не было ни одного жандармского управления или даже розыскного пункта (в Благовещенске и Хабаровске они появятся значительно позже – в 1906).

Необыкновенное, пьянящее ощущение свободы – едва ли не самое важное и сильное ощущение, испытанное писателем во время плавания по Амуре. И речь не столько о чувстве, которое рождалось при созерцании необозримых просторов края, сколько именно о царящем здесь духе, об атмосфере, в которой живут населяющие эти земли люди. Именно эта свобода, по мнению писателя, демонстрировала направленность устремлений русских людей, пробуждала в них огромный творческий, созидательный потенциал, раскрепощала их энергию, но одновременно проявляла все их духовные и моральные изъяны. Именно это заставляло Ч. с обострённым вниманием вглядываться в то, что происходило на Амуре. Амур в представлении писателя был той самой риторикой, в которой зарождалось, созревало и проявляло себя будущее России. И свои надежды на это будущее писатель связывал, прежде всего, со свободой – социальной, духовной, экономической. Выход России к Тихому океану знаменовал, в представлении писателя, её сближение – и пространственное, геополитическое, и социально-экономическое, и ментальное, сущностное – с Америкой (не случайно он так часто сравнивает с нею Приамурье и в письмах, и в книге «Остров Сахалин»). Это чаемое им сближение, в основе которого общность идеалов свободы, виделось Ч. в контексте его размышлений о будущем не только дальневосточной окраины, не только России в целом, но и всей мировой цивилизации.

Переживаемое писателем во время плавания по Амуре чувство свободы заставляло его вспоминать дух несвободы, которым была пропитана вся оставшаяся за его спиной российская жизнь с её социальным неравенством, чиновничеством, засильем полицейских порядков и казённости, которые проникали во все сферы жизни, уродуя человеческие души и лишая Россию надежд на будущее.

Ещё одна важнейшая тема писем Ч. – восторг, который вызывает у писателя природа Приамурья. Из письма родным: «Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить. <...> Проплыл я уже по Амуре 1000 вёрст и видел миллион роскошнейших пейзажей; голова кружится от восторга». Из письма А.С. Суворину: «Амур очень хорошая река; я получил от него больше, чем мог ожидать <...>. Право, столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно».

Путешествие Ч. по Приамурскому краю, его остановка в Благовещенске – события, которые имели важное значение для писателя, так как существенно повлияли на формирование его мировоззренческих представлений.

Соч.: Письма русских писателей к А.С. Суворину. Л., 1927. С. 187–188; Остров Сахалин (Из путевых записок) // Полно собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 14–15. М.: Наука, 1987. С. 39–372.

Лит.: Роголь Н. А.П. Чехов на Дальнем Востоке // Дальний Восток. 1960. № 1. С. 168–178; Лосев А.В. Приамурье в художественной литературе: Аннотированный указатель. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1963. С. 22–23; Лосев А.В. Забытый поэт: [Леонид Волков] // Дальний Восток. 1982. № 1. С. 135–140; Лищинский Б. Путешествие с Чеховым // Дальний Восток. 1990. № 7. С. 156–160; Федотова О. «Я в Амур влюблён...»: [О пребывании А.П. Чехова в Благовещенске] // Старая мельница: Приложение к газете «Амурская правда». 1998. № 14. С. 3; Кобзарь В.П. Доктор Чехов в Благовещенске // Приамурье – 2012: Лит.-худож. альманах. № 10 (28). Благовещенск: Амур. обл. общ. писат. орг.; Изд. комп. «РИО», 2012. С. 424–430.

А.В. Урманов

ЧУДАКОВ Фёдор Иванович [1887, г. Чембар (ныне Белинский) Пензенской губ. – покончил жизнь самоубийством 28.2(13.3).1918, Благовещенск] – сатирик, поэт, прозаик, журналист, сотрудник и редактор ряда благовещ. газет и журналов. Печатался под псевд. *Амурец, А-рец, Босьяк, Гражданин Уклейкин, Гусяр, Дядя Федя, К. Рез., К. Резниченко, Кузьма Резниченко, Мисс Нелли, Miss Nelli, Proletaire, Ф. Ч., Фед. Ч., Фёдор Ч., Чижик, Язва, Jasva, Я* и др. Острые стихотворные фельетоны Ч. пользовались большим успехом у амурских читателей нач. XX в. Известность его распространялась на весь Сибирско-Дальневост. регион. Автор выпущенного в 1916 в Иркутске «Словаря сибирских писателей, поэтов и учёных» М.Е. Стож писал: «Язва псевдоним – талантливый поэт-фельетонист дальневосточных газет, прекрасно владеет стихом, остроумен. Дарование его широко выбивается из рамок газетного фельетона». Спустя неск. лет, уже после трагической смерти *Гусяра*, высокую оценку его творчеству дал сибирский критик М. Басов, назвавший Ч. «несомненно крупным поэтом», в стихах которого можно найти «ценные отзвуки целой эпохи и жизни Приамурья».

Ч. родился в семье сапожника. Учился в Чембарском городском трёхклассном училище, окончив его в 1903. В 1906 за участие в революц. деятельности был арестован, но вскоре освобождён. Второй раз его арестовали в 1907. На этот раз Саратовская судебная палата приговорила Ч. по ст. 128 и 129 Уголовного уложения к трём годам ссылки, которую он отбывал в глухом таёжном с. Червянка Енисейской губ. (ныне Чунский р-н Иркутской обл.). Спустя год Ч. бежал в Красноярск, где сблизился с ещё одним беглым политич. ссыльным – Дмитрием Чернышёвым, а также с его гражданской женой Варварой Протопоповой, приехавшей в Сибирь из г. Малмыж Вятской губ. ухаживать за любимым человеком, заболевшим чахоткой. Скрываясь от розыска, в сент. 1908 втроём они отправились в Приамурье. В Благовещенск добрались в начале октября и поселились вместе в доме №61 по ул. Мастерской (ныне Шевченко).

Ч., живший в городе по подложному паспорту, выписанному на имя крестьянина Енисейской губ. Кузьмы Ивановича Резниченко, начал сотрудничать в газетах «Амурский край» и «Торгово-промышленный листок объявлений», опубликовав там неск. стихотворений, рассказов и очерков за подписью «К. Рез.» и «К. Резниченко». Протопопова, которая на родине была учительницей женской гимназии, стала зарабатывать частными уроками (позже она обучала детей в школе им. Л. Толстого). Чернышёв же вскоре после приезда в Благовещенск покончил жизнь самоубийством, потеряв надежду на излечение и не желая быть обузой для близких людей. Протопопова стала женой Ч. Вскоре жандармское ведомство вышло на след беглеца, и в нач. янв. 1909 он был арестован и препровождён в благовещ. тюрьму. Воспоминания об этом Ч. опубликовал в 1918 в журнале «Дятел, беспартийный». После отбытия наказания за побег с места ссылки он жил в Благовещенске под гласным надзором полиции.

Большая часть творч. наследия Ч., в т.ч. его личный архив, утеряна. Почти столетие считался утраченным сборник лирических стихотворений «Пережитое», изданный под псевд. *Босьяк* в Благовещенске в 1909. В то, что сохранился хотя бы один экз. сборника, не верил даже автор. Через девять лет, в 1918, включая в первый номер своего сатирического журнала «Дятел, беспартийный» новый вариант стихотворения «Евшан-трава», Ч. указал в примечании, что впервые оно было напечатано в «Пережитом». Что касается судьбы самого сборника, то он, по словам поэта, «по постановлению прокурора был конфискован и сейчас едва ли где имеется хоть один экземпляр этой книжечки». Однако «Пережитое» не исчезло: оригинал этого раритетного издания находится в РГБ, а копии – в отделе редких книг Амурской обл. научной библиотеки и в лит.-краеведч. музее БГПУ.

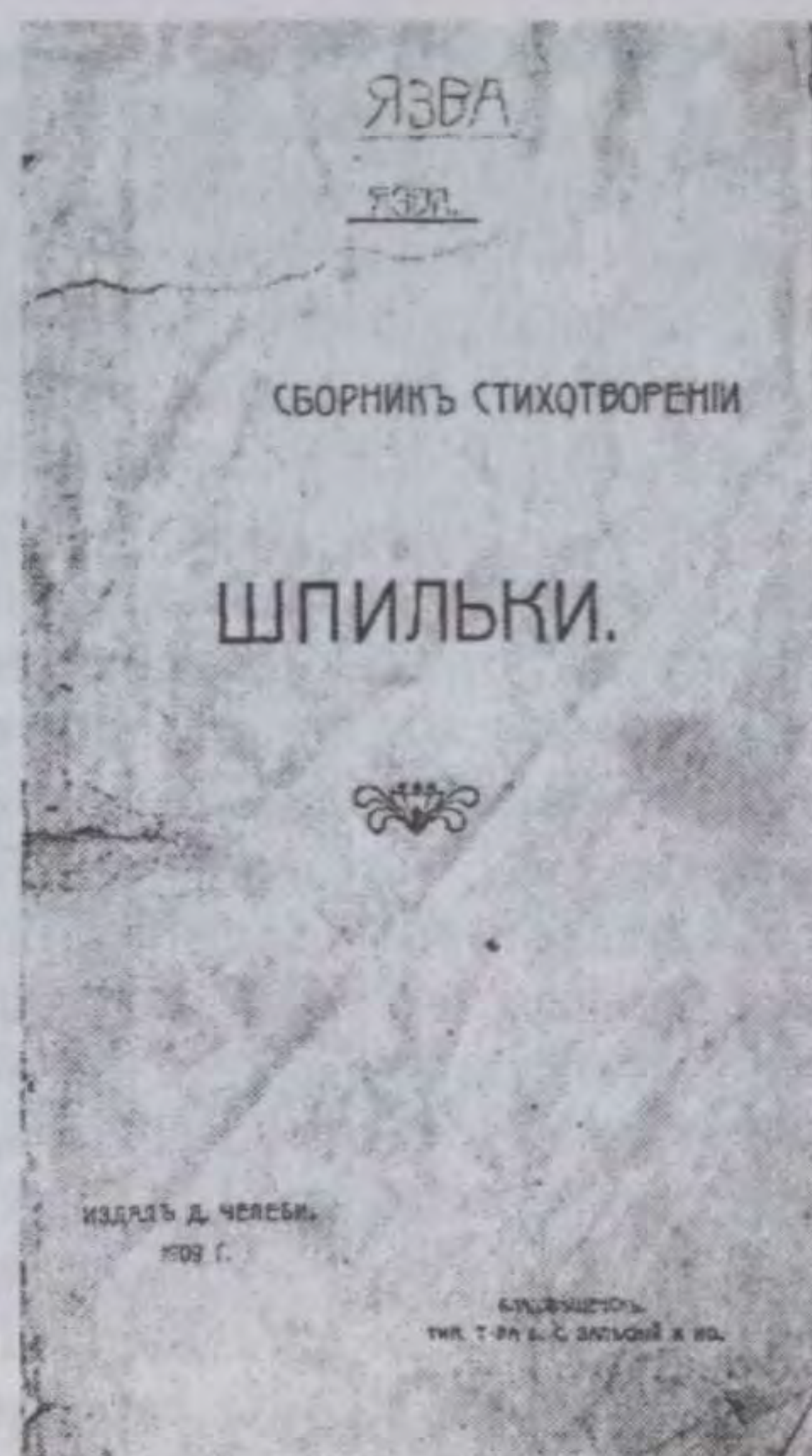
В «Пережитом» отразились факты биографии Ч., относящиеся ко времени его бегства из енисейской ссылки и первых месяцев жизни в Благовещенске: знакомство со ссыльным Д. Чернышёвым и его гражд. женой В. Протопоповой, побег на Амур, трагическая смерть товарища по революц. борьбе, любовь к Варваре Ипполитовне. Автобиографич. природа этих произведений помогает понять характер отношений Ч.

и Протопоповой, позволя-ет сделать вывод, что они строились не только на чув-ственном влечении, но и на идейной близости: «Ты в трауре... Лицо твоё блед-но, / И тёмные полосы под глазами. / Не плачь о нём, утешься! Всё равно, / Его не воскресишь слезами! / <...> // Предвидел он победу и восход / Другого солнца из туманной дали. / И сам по-гиб за солнце! Весь народ / В твоей участвует печали. // Он был герой. О нём ты не грусти! / Его не воскресишь слезами! / Сильнее будь! Иди и мсти! / Иди за нами!». «Майское...», «Смерть Икара», «Тюремные мо-тивы», «Из пережитого», «Побег», «Крепок мой по-сох дубовый» и нек. др. стихи, вошедшие в сборник «Пере-житое», свидетельствуют о незаурядности поэтич. дарова-ния Ч.

После отбытия в нач. 1909 кратковременного тюремно-го заключения Ч. продолжил сотрудничество с «Амурским краем» и «Торгово-промышленным листком объявлений», опубликовав на их страницах, в т.ч., сатирич. стихотво-рения, часть из которых была включена в сборник стихотво-рных фельетонов «Шпильки» (1909). Как и «Пережитое», он считался утраченным. После его выхода против автора и издателя возбудили судебное преследование, длившее-ся весьма долго. Газета «Амурский листок» в номере за 14 февр. 1912 (№1090), в разделе «Хроника» сообщала читателям: «Литературное дело. Дело о привлечении к ответственности автора брошюры “Шпильки” – Язвы и издателя её Д.А. Челеби следствием закончено и передано прокурору I участка». Сборник был изъят из обращения и бесследно исчез. Спустя годы в воспоминаниях, печатав-шихся в журнале «Дятел, беспартийный» (1918), Ч. расска-зывал об этом с присущим ему чувством юмора: «Главному управлению по печати так понравился сборник “Шпиль-ки”, что оно через прокурора распорядилось приобрести всё издание для нужд правительства и тщательно сохра-нять его в архивах жандармского управления. Приобрете-ние состоялось, как говорится, “даром”, ибо денег автору не заплатили, но так как всё-таки было неловко ничего не платить, то автору дали в виде единовременного пособия шесть месяцев тюрьмы».

«Шпильки» нашлись спустя век – в 2009. Единств. сохра-нившийся экз. сборника находится в Благовещенске, в одной из частных библиотек. Владельцы раритета – наследники бла-говец. коллекционера С.Н. Лафина. «Шпильки» переплетены вместе с ещё одной редкой книгой – «Осада Благовещенска и взятие Айгуна» (Благовещенск, 1901), автором которой яв-ляется редактор-издатель «Амурской газеты» А.В. Кирхнер (1860–1903). Ранее эта сдвоенная книга находилась в личной библиотеке жителя Зеи Василия Андреевича Ланкина (о чём свидетельствует экслибрис). О том, каким обр., когда и от кого она попала к нему, неизвестно. Лафин не придавал осо-бого значения своему приобретению, т.к. не предполагал, что «Шпильки» считаются утраченными.

Сборник включает 17 произведений. Почти все они (за искл. стихотворения «Светлана») имеют сатирич. характер. На это указывает и псевд., под которым автор выпустил кни-гу, – *Язва*, а также название сборника. *Шпилька* по Далю – в одном из прямых значений «спица, остроконечный прут», «род острого гвоздочка»; в переносном – «намёк, либо на-ветка, обиняк, укор, попрек, колкое словцо». Совр. словарь даёт следующее толкование: «Колкое, язвительное замеча-ние, колкость». Колкость, язвительность – отличит. черты стиля «Шпилек». Самый любимый, наиболее органичный для Ч. жанр – стихотворный фельетон, остро злободневное

художественно-публицистическое произведение сатириче-ской направленности, как правило, предназначенное для публикации в газете или журнале. По складу характера и темпераменту, по бескомпромиссной гражданской позиции, по художественному дарованию Ч. был прирождённым фе-льетонистом. Его талант расцветал в те годы, когда в России появилась целая плеяда блестящих сатириков – А. Авер-ченко, Н. Тэффи, Саша Чёрный и др., когда издаваемый в Петербурге еженедельный журнал «Сатирикон» (1908–1914) стал одним из самых популярных в стране периодич. изда-ний. Лучшие из сатирич. стихов Ч. ничем не уступают про-изведениям, печатавшимся в «Сатириконе». А между тем фельетоны, вошедшие в «Шпильки», – лишь первые пробы пера Ч.-сатирика.

1909 – это разгар реакции, наступившей после пора-жения первой русской революции. Это было время, когда власть видела в независимой печати источник опасного вольномыслия, а потому применяла целый комплекс мер давления на свободное слово. Впрочем, журналистов, писа-телей, готовых рисковать своим положением и благополучи-ем ради сохранения верности идеалам свободы, оставалось к тому времени немного. Особенно это касалось отдалённой провинции, где адм. давление на прессу было более грубым, а вмешательство в её дела – более бесцеремонным, чем в столице или крупных городах Европ. России. Саша Чёрный писал об этом времени в стихотворении «Отбой» (1908): «По притихшим редакциям, / По растерянным фракциям, / По рутинным гостиным, / За молчанье себя награждая с лих-вой, / Несётся испуганный вой: / Отбой, отбой, / Окончен бой, / Под стол гурьбой!» Реакция затронула все стороны российской действительности, жестоко ударив по демо-кратич. иллюзиям, смертельно напугав большую часть ли-беральной интеллигенции. Общественную атмосферу того времени определяли растерянность и отчаяние, вызванные потерей веры в возможность демократического обновления общества. Завинчивание идеологических гаек, судебные и адм. преследования, жёсткий цензурный намордник, да-вление официоза были столь сильны, что немало предста-вителей интеллигенции, в т.ч. творческой, отрекались от прежних идеалов и убеждений. Но гораздо больше было тех, кто занял выжидательную позицию, кто не решался вы-сказывать свои политич. взгляды, а тем более действовать в соответствии с ними. Откликом автора «Шпилек» на эту общественную ситуацию, на нежелание российской интел-лигенции открыто отстаивать свою гражданскую позицию явилось «Сказание об Исаакии витязе». В этом фельетоне Чудаков аллегорическим сюжетом отвечает на приведённый в эпиграфе вопрос из газетной передовицы: «Итак, за кем же пойдёт русская интеллигенция?» Интеллигенцию в произ-ведении представляет витязь, оказавшийся на политич. рас-путье, не знающий, что выбрать – терновый венец, сытый покой мещанина или борьбу против правды и света: «...Опе-шил наш витязь, когда прочитал / Такие с доски наставленья / И долго в раздумье затылок чесал: / Какое же взять направ-ленье? / Конечные пункты различных дорог / Мешались и путались вместе. / К чему же стремиться, решить он не мог / И начал топтаться на месте...» Эти печальная констатация строилась не только на сведениях, почерпнутых из общерос-сийской периодике, но и на впечатлениях от того, что автор «Сказания...» увидел в Приамурье.

Один из традиционных для русской литературы данно-го периода объектов сатирич. изображения – сонный рос-сийский обыватель, равнодушный к тому, что происходит в стране, безучастный к настоящему искусству, к высоким общественным идеалам, требующим от него жертвенного служения. Сонному обывателю посвящён стихотворный фельетон Ч. «Спящий красавец» с подзаголовком «Опе-ретка в I действии». В прозаической преамбуле автор ри-сует условно-аллегорическое сценическое пространство, на котором далее разыгрывается «опереточное» действо: «глухой, непроходимый лес», в котором растут огромные деревья с выразительными табличками: «Усиленная Охра-на», «Чрезвычайная Охрана», «Военное Положение» и т.п. Среди леса стоит избушка на курьих ножках, а в ней «сном праведника почивает ОБЫВАТЕЛЬ». К избушке чередой

Фёдор Иванович Чудаков с женой Варварой Ипполитовной и дочерью Наташей.

являются аллегорические образы – «тени» прекрасных женщин (*Культура, Идея* и т.п.), которые безуспешно пытаются пробудить обывателя. Но к их призывам он остаётся глух: «Тень: Скорей пусти меня! / Я гордая прекрасная Идея! / Тебя я поведу в волшебные края, / Где так светло, где дышится вольнее. / Где Братство, Равенство... / Обыватель: Гони её по шее! / Ишь, принесла богатый клад! / Впусти тебя – тотчас велят / Пасти Макаровых телят! / Шалишь! Повёртывай назад!...» Первые «тени» с плачем покидают сцену, и тут появляется целый рой др.: «бесстыдные, циничные женщины и мужчины, грубо-обнажённые, с нескромными жестами»: «Первый: Милый, добрый Обыватель! / Отвори, ты будешь рад! / Я – старинный твой приятель – / Необузданный Разврат! / <...> / Остальные голоса: Мы – клубничное искусство, / Наслажденье – наша цель! / Мы в тебе разбудим чувство, / Незнакомое досель! / Обыватель с распостёртыми объятиями: / Скорей же, милые друзья! / Забудем мы и сон и горе! / Забуду с вами страхи я / И... запируем на просторе!...» Качества, которые Ч. наблюдал у большинства российских обывателей, в т.ч. амурских (равнодушие, холопство, отказ от всего возвышенного, склонность к низменным удовольствиям), вызывали у него острое неприятие.

Большая часть сатирич. стихов Ч. была реакцией на события политич. жизни страны. В этих произведениях автор, сторонник эсеровских (и – шире – левых, революционно-демократических) взглядов, высмеивал идейных противников: представителей консервативных и черносотенных партий, одиозных депутатов Гос. Думы, недалёковидных и корыстных чиновников. Уже сам выбор тем для фельетонов несёт на себе отпечаток личности автора. Так, Ч. не оставлял без насмешливо-язвительных комментариев правительственную политику, направленную на реализацию планов премьер-министра Столыпина по разрушению общинного устройства крестьянской России. Являясь сторонником эсеровской партии и предлагаемой ею земельной программы, суть которой – укрепление и развитие коллективных, кооперативных, общинных форм общественного и экономич. устройства страны, автор «Шпилек» подвергает саркастическим насмешкам депутатов III (октябристской по составу) Гос. Думы, поддержавших планы Столыпина. Этой теме посвящён сатирич. фельетон «Подвиг»: «Наш мужик и наг и беден, – / Говорили депутаты, – / И ему ужасно вреден / Призрак общины проклятой. / Этот голод, недороды, / И прикладыванье к чарке, / И искание свободы, – / Всё лишь общины подарки. / С давних пор мужик бунтует, / Полон злобы беспричинной. / Этот бунт ему диктует / Тот же старый дух общинный». / <...> / И, воспрянув с буйным жаром, / Размахнулись депутаты / И снесли одним ударом / Призрак общины проклятой. // А мужик пустил меж уха / Депутатские подарки, / И, стянув покрепче брюхо, / Снова топит горе в чарке...» Центр тяжести в фельетоне, в соответствии с законами жанра, перемещён с непосредств. описания событий на их осмысление и анализ, а это немисливо без выражения собств. позиции – прозрачной и недвусмысленно ясной. А так как позиция сатирика радикально расходилась с позицией органов гос. власти, произве-

дение становилось уязвимым и в цензурном отношении, и с точки зрения возможной реакции адм. и судебных инстанций, а также полицейского и жандармского ведомств. Нужно отдать должное гражданскому мужеству автора «Шпилек» – беглого ссыльно-поселенца, находящегося под гласным надзором полиции, только что выпущенного из тюремной камеры (и вскоре вновь туда водворённого). Ч. не мог не сознавать, что от того, насколько лояльно он ведёт себя по отношению к существующему порядку, напрямую зависело его благополучие, возможность заниматься любимым делом, его свобода, наконец, да и вся его дальнейшая судьба.

Самая острая шпилька Ч. – стихотворный фельетон «Сколько их!...», с подзаголовком «Из тюремных мотивов». Самое чувствительное для цензуры и в целом для власти (особенно – провинциальной, губернской) то, что в стихотворении подвергнуты осмеянию конкретные, названные поимённо, государственные мужи. Столичной прессе провести через цензуру подобные материалы было значительно легче. Так, в 1908–1909 едва ли не все номера «Сатирикона» содержали язвительные намёки, а иногда и прямые выпады, направленные против гос. политики силового «успокоения» России. Объектом уколов сатириконецев часто становились наделённые в условиях непрекращающихся революц. беспорядков чрезвычайными полномочиями градоначальники и генерал-губернаторы, действующие в наиболее беспокойных российских регионах. Некоторые из них, прежде всего военные люди, генералы, воспринимались общественностью как диктаторы. С точки зрения российских «прогрессивных» кругов, самые одиозные администраторы этого типа: генерал-майор Думбадзе (Ялта), генерал-лейтенант Толмачёв (Одесса), генерал от инфантерии Меллер-Закомельский (Рига), князь Горчаков (Вятка) и т.д. Репутация этих «столпов» правительственного порядка на страницах «Сатирикона» не просыхала, к ним было приковано повышенное внимание авторов журнала.

По первому впечатлению, Ч. выступил в фельетоне «Сколько их!...» как типичный сатириконец, однако отнести его всецело к лагерю либеральной интеллигенции нельзя. Да, как и авторы «Сатирикона», он упоминает всё тех же одиозных администраторов-усмирителей – Горчакова, Толмачёва, Меллер-Закомельского и др. Один из персонажей произведения, узник острога, представляется: «– Я Думбадзии счастливой / Горемычный гражданин!» Никакой Думбадзии в составе Российской империи, конечно же, не было. «Счастливой» Думбадзией, которую населяют «горемычные граждане», Ч. называет Ялту – в период, когда её градоначальником был полковник (с 1907 – генерал-майор) И.А. Думбадзе (1851–1916) – известный адм. деятель правых взглядов. На должность градоначальника полковник был назначен осенью 1906, в самый разгар революц. беспорядков. С первых же дней он заслужил репутацию твёрдого монархиста и непримиримого противника погромщиков и революционеров всех мастей. Стремясь на корню пресекать не только прямые антиправительственные выступления, но и малейшие проявления политич. вольнодумства, Думбадзе действовал по-военному решительно и жёстко, не всегда считаясь с существующими юридич. нормами, без оглядки на обществ. мнение (которое в ту пору было почти сплошь либеральным). Он создал в Ялте режим личного контроля едва ли не над всем происходящим, превратив город фактически в свою вотчину, в подобие государства в государстве. Журнал «Сатирикон» язвил по этому поводу: «– Вы русский подданный? / – Нет, ялтинский» (1908. №9. С. 15). Либеральные круги ненавидели ялтинского градоначальника, «прогрессивная» пресса травила его или, в лучшем случае, иронизировала. Однако, если сатириконец главный акцент делали на ущемлении градоначальником Думбадзе и др. высокопоставленными чиновниками гражданских свобод, на подавлении политич. инакомыслия, т.е. на действиях, которые наносили ущерб преимущественно левым политическим партиям, радикальной и либеральной интеллигенции, то Ч. заостряет внимание на другом: по его мнению, от самодурства и произвола властей страдает прежде всего простой народ, «люди в серых армяках». Причём, по мнению автора стихотворения «Сколько их!...», жертвами жестокого адм. насилия становятся не только подданные неск.

находящихся в центре обществ. внимания градоначальников и генерал-губернаторов, а буквально всё население обширной Российской империи. В тюремном остроге (этот образ является предельно обобщённым) оказались собраны представители простого народа из Финляндии, Польши, Украины, Прибалтики, Пензы, Перми, Вятки, Рязани, Суздаля, Ярославля, Пошехонья, Тамбова, Северного Кавказа, Ялты, Сибири, Приамурья: «Ты скажи, каких губерний / Представителей здесь нет? – / Но... сгустился мрак вечерний / И – не слышен был ответ». Иначе говоря, по Ч., вся Россия – один большой острог.

«Гоголевский юбилей» – ещё одна *шпилька* Ч., органично вписывающаяся в русло сатирич. традиции нач. XX в. Тот же «Сатирикон» не раз использовал юбилеи известных писателей как повод для обличения лицемерия гос. политики и официальной прессы. Специальные номера журнала были посвящены юбилеям Толстого, Чехова, Гоголя. Самый острый из них – 12-й (*гоголевский*) номер за 1909. На его обложке – рисунок известного карикатуриста *Ре-Ми* (Н. Ремизова) «В участке». Изображённый там городской ждёт указаний от начальства по поводу столетнего юбилея Гоголя: «Ваше благородие! На Толстого приказывали не пущать, на Суворина – тащить... Как теперь прикажете?» Как это ни парадоксально, «на Гоголя», казалось бы, крайне неудобно для неё, власть посчитала необходимым народ «тащить». В ряде материалов гоголевского номера проводится мысль, что государство использует авторитет русских классиков в собств. интересах – ради «освящения» существующего порядка. Пышные официальные торжества по случаю юбилеев стали для самодержавия способом препарирования, извращения творческого наследия великих авторов, формой выхолащивания из их произведений подлинного идейного смысла. Ч. и здесь, обращаясь к той же самой теме, что и сатириконцы, расставляет иные смысловые акценты. Он пишет о непреодолимой пропасти, которая пролегает между «сливками общества», т.е. интеллектуальной элитой страны, и простым народом. А причина этого разрыва – слепота, глухота, нечувствительность к народным страданиям, непонимание чаяний «младших братьев». Но самое главное – вошедшее в плоть и кровь российской интеллигенции лицемерие, заставляющее её «с умиленным, елейным лицом» ломать «комедию», принимая участие в казённых официальных празднествах: «...И горят юбилейные плошки... / С умиленным, елейным лицом, / Наподобье ошпаренной кошки, / Мы хвалебные гимны поём. / <...> / Сливки общества (жирные сливки) / “Младших братьев” любезно зовут / И читают умильно “отрывки”, / И умильные речи ведут. / Раздают пятаковые книжки, / Безвозмездно портреты дарят, / В промежутке зевка и отрывки / “На-ка, вот почитай!” говорят...» В представлении рабочих, ждущих от просвещённой части общества не пустого трезвона, а «хлеба насущного» (и не только в буквальном смысле), российская интеллигенция, источающая в угоду власти приторный елей, создающая «шумиху уродскую» вокруг очередного писательского юбилея, «от жиру бесится».

Несмотря на то, что в 1909 Ч. только начинал ощущать себя амурцем, уже тогда в части фельетонов он затронул проблемы местной жизни. К числу таких произведений относится «Закрытие порто-франко». Порто-франко (итал. *porto franco* – свободный порт) – порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Порто-франко не входит в состав таможенной территории государства и создаётся ради оживления приграничной торговли, увеличения товарооборота, с целью насыщения внутр. рынка дешёвыми импортными товарами. В Российской империи порто-франко существовало в Одессе, Феодосии, Батуми, Владивостоке и т.д. Право беспошлинной торговли распространялось и на Благовещенск. Для Приамурья и в целом Дальнего Востока такой режим международной торговли был особенно важен, т.к. государство не в состоянии было обеспечить население этих удалённых от центра регионов дешёвыми российскими товарами.

Исходным началом в фельетоне выступает жизненный факт, от которого отталкивается сатирик. Стихотворение Ч. «Закрытие порто-франко» – реакция на решение прави-

тельств. комиссии якобы исключительно ради блага простого народа ликвидировать в Приамурье режим беспошлинной, не облагаемой таможенными сборами торговли. А это могло привести к существенному удорожанию импортных (китайских) товаров, к обеднению их ассортимента и, следовательно, к снижению жизненного уровня местного населения, того самого простого народа, о благе которого якобы неустанно пекутся высокие государственные мужи. Стихотворение представляет собой воображаемый диалог, который ведут, с одной стороны, члены правительственной комиссии, объясняющие смысл своего явно лоббистского и по сути антинародного решения, а, с другой, «скептический голос», выражающий авторскую позицию: «*Финансовая комиссия: / Фортель мы такой устроим: / Порто-франко прикроем / В приамурской стороне. / Этим цены мы утроим / На изделия извне. / Ведь без пошлин и таможен, / Всем понятно, невозможен / Быт российских мужиков. / К чёрту импорт безвозмездный, / Иностранцам лишь полезный! / К чёрту немцев маклаков! / Нас китайцы обижают / И работу отбивают / У российских христиан. / Нашим потом набивают / Азиатский свой карман*». Объектом сатирич. изображения в этом и ряде др. фельетонов Ч. более позднего времени является такая чрезвычайно активная категория гос. деятелей, правительственных чиновников, думских политиков, которая в корыстных целях лицемерно разыгрывает беспроектную карту «патриотизма». Колоритный образ записного «патриота», картинно плачущего о русском народе и одновременно нарциссически любующегося собой, собирающего свои драгоценные слёзы во флакон, нарисован в стихотворном фельетоне Ч. «Жёлчные песни», опубликованном в издававшемся в Благовещенске сатирич. журнале «Колючки» (1909–1910): «Эти слёзы я пролил за русский народ! / Эти слёзы – печаль мировая! / Бескорыстные слёзы! Их лил патриот / За дымящейся чашкою чая!» Казённых псевдо-патриотов, якобы неустанно пекущихся о благе русского народа, якобы защищающих интересы российского государства, а на деле решающих свои узкогрупповые задачи, Чудаков как человек и гражданин презирал, а как журналист и писатель высмеивал со всем присущим ему остроумием и язвительностью. Так он поступает и в фельетоне «Закрытие порто-франко»: «*Скептический голос: / Ну, а русскому народу / От чрезмерного расхода / Не придётся... подыхать? // Комиссия: / О, не верьте диким слухам, / Будто голоден мужик: / Ведь питаться святым духом / Он давным-давно привык. / Значит, будет всё так гладко, / Без войны, без громких слов! // Голос: / Преклоняюсь пред догадкой / Государственных умов!*»

Среди произведений более позднего периода, иллюстрирующих масштаб сатирич. дарования Ч., – стихотворные фельетоны «Момус на Амуре» (1914), «Краткая история Амурского края» (1914), «56-я параллель» (Из «Гейши»)» (1914), «Сотворение Приамурья» (1915), «Жертва режима (Накипь революции)» (1917) и др. Так, фельетон «Сотворение Приамурья» построен в форме диалога персонажей индуистской мифологии: Брами (Брахмы) – верховного божества, творца мира и Сивы (Шивы) – его антагониста. В произведении Ч. они тоже выведены как антиподы: Брама излучает пафосный, казённый оптимизм, Сива же – воплощение иронии и скепсиса. Благостный и сияющий Брама, сотворив гармоничный по его представлениям мир, в котором есть всё («Экватор и тропики зверем кишат, / В умеренном поясе пушки рычат, / Есть камень для каждой могилки / И край Туруханский для ссылки»), собирается почтить, отдохнуть от великих трудов, но тут появляется скептик Сива и напоминает ему, что творец забыл про Приамурье: «Лежит оно вот уж с какого числа / Пустынно и голо, как череп осла». И Бrame приходится нехотя, наспех устранять собственные недоделки, отпуская Амурскому краю то, что осталось: «Дадим Приамурью мы семь городов / С положенным кворумом стражи. / Там будут обильны различных родов / Растраты, убийства и кражи. / Процент преступлений там будет высок, / А около города будет острог, / Чтоб житель без лишней заботы / Шагал в арестантские роты. / Насыпьем там золота в русла ключей, / В наносные мели, в овраги, – / Пусть это заставит досужих людей / Просить у правительства драги. / А

*Ко всем.
Прощайте!
Уходим от вас честными и
чистыми: на наших руках нет
крови.
Будьте счастливы!
Да здравствует разум!*

Фёдор Чудаков

В. И. Чудакова

28 февраля 1918.

*Жить больше не вижу возможности.
Думаю, что прожил свою жизнь
честно, сдвинул груз карада все,
что был в силах и теперь, видя, что
народ идёт по ложному пути,
ухожу от жизни. Думаю, что и это
честно.*

Фёдор Чудаков

Предсмертная записка, подписанная Фёдором Чудаковым.

Номер журнала «Чайка», посвящённый памяти Чудаковых.

Предсмертная записка Фёдора и Варвары Чудаковых.

умные люди построят амбар, / Сберут туда всякий негодный товар, / И будут они, между прочим, / Питаться китайским рабочим. / И будет основой блага везде / Китаец, отверженный парий. / А там и проблема о «жёлтом труде» / Родится в тиши канцелярий. / И будут китайцев туда не пущать, / Потом разрешать, и опять запрещать, / А приставу будут доходы / И с жёлтой, и белой породы...»

Спустя век можно в полной мере оценить остроумие, меткость, художеств. выразительность, а, главное, неувядающую актуальность сатиры Ч. Его фельетоны выдержали самое трудное испытание – временем. А всё потому, что перо сатирика нацелено было не на бытовое мелкотемье, а на явления масштабные, государственно, национально и социально значимые.

Перу Ч. принадлежат не только стихотворные фельетоны и лирические стихи, но и произведения других жанров – приключенческая повесть «Дочь шамана», автобиографич. повесть «Из детства Ивана Грязнова», пьеса «Изгнанники», посвящённая жизни ссыльных, многочисл. очерки и рассказы. В сравнении с лирикой и стихотворной сатирой прозаические и драматургические опыты Ч. менее выразительны в художеств. плане, хотя и превосходят по всем статьям, например, романы скандально известного современника Ч. Александра Матюшенского.

После Февральской революции Ч. сотрудничал в эсеровской газете «Народное дело», в нач. 1918 редактировал еженедельный сатирич. журнал «Дятел, беспартийный» (вышло семь номеров). Октябрьский переворот 1917 Ч. встретил враждебно, критиковал большевиков с позиций «беспартийного» демократа.

28 февр. (13 марта) 1918 Ч. и его жена покончили жизнь самоубийством, оборвав жизнь и своей единств. дочери Наташи, родившейся в 1909. Предсмертная записка гласит: «Ко всем. Прощайте! Уходим от вас честными и чистыми: на наших руках нет крови. Будьте счастливы! Да здравствует разум! Фёдор Чудаков. В.И. Чудакова. 28 февраля». Судя по записке, Ч. первоначально не собирался проливать кровь родных ему людей. Как выяснили газетные репортёры, супруги решили покончить с собой с помощью угарного газа, постелив общую постель на полу в прихожей и закрыв раньше времени печные заслонки. Однако спустя какое-то время взрослые пришли в себя. И тогда Ч. застрелил дочь (скорее всего, она уже была мертва), жену, собачку Максимку, неоднократно упоминавшуюся в его юмористич. рассказах и очерках, а затем себя. Как комментировали газеты того времени, гл. причиной трагического ухода из жизни Ч. стало то, что он не смог перенести дискредитации святых для него революционных идеалов, веры в разум, честь и свободу... Понять истинный смысл этих слов нельзя без обращения к историческому контексту. С 6 по 13 марта 1918 в Благовещенске разворачивались драматические события, получившие название Гамовского мятежа. Накануне, с января, в городе фактически установилось двоевластие: городской Совет рабочих и сол-

датских депутатов провозгласил власть Советов, а земская управа, поддержанная казачьим войсковым правлением, отстаивала полномочия органов местного самоуправления. Непримиримые политич. противоречия переросли в открытое столкновение, в результате которого город был захвачен отрядами добровольной гражданской милиции, сформированной земскими органами. Атаман Гамов был назначен военным руководителем исполкома Народного совета, сформированного из руководителей областной земской и городской управ. В Благовещенске прошли массовые аресты членов Совета, красногвардейцев, комиссаров. Сторонники советской власти отступили в Астрахановку, где начали формировать вооружённые отряды. Решающие события произошли 12 марта, когда отряды Красной гвардии повели наступление на Благовещенск. Бои на улицах города были жестокие, применялась артиллерия, использовались пулемёты. К вечеру Благовещенск был в руках войск революц. штаба, а 13-го, в день самоубийства Ч., оказались подавлены все оставшиеся к тому времени очаги сопротивления. Жертвами этих событий стали более 200 человек.

В статье М.Х. Катаева «Как умерли Чудаковы» (Чайка. 1918. №5. 2 (15) сент. 1918) приведены свидетельства тех, кто видел Ч. накануне трагедии: «Перед наступлением из Астрахановки он заходил в редакцию «Голоса труда». Узнав, что там хотят принять какие-то шаги к предотвращению кровопролития, Фёдор Иванович, бледный, осунувшийся, страшно расстроенный, потрясённый до последней степени, сдавленным, отрывистым голосом сказал: / – Поздно... уже... пулемёты... работают... / И в глазах у него стояли слёзы и вся его фигура выражала глубокую, непередаваемую никакими словами печаль и острую душевную муку. / – Не выживет, – невольно подумали видевшие его в ту минуту, но, к сожалению, после его ухода все о нём забыли, будучи всецело поглощены надвигавшимся на город кровавым кошмаром...».

В эти дни до Ч. доходили слухи о гибели друзей, об убийствах безоружных граждан в их квартирах, о грабежах и насилиях, о валяющихся на улицах раздетых донага трупах «буржуев», о залитых кровью тротуарах. В этих рассказах было много преувеличений, но в общих чертах они вполне отвечали кошмарной действительности. Знакомые поэта свидетельствовали, что в дни уличных боёв Ч. ждал, когда к нему придут мародёры и избавят от необходимости быть свидетелем той мерзости, которая творилась святым для него именем революции. И якобы когда он увидел, что «избавители» не являются к нему – «решил сам избавиться себя и свою семью от дальнейших душевных мук и страданий за оплётанную и поруганную веру в святое дело революции».

Мало кто знает, что была ещё одна предсмертная записка, написанная и подписанная одним Ч. и проливающая дополнительный свет на причину трагедии: «Жить больше не вижу возможности. Думаю, что прожил свою жизнь честно, сделал для народа всё, что был в силах и теперь, видя, что народ идёт по ложному пути, ухожу от жизни. Думаю, что и это честно. Фёдор Чудаков». В отличие от первой, эта записка не имеет датировки.

По информации амурской прессы, адрес квартиры Чудаковых: «ул. Соборная, между Графской и Торговой, д. №91, Курочкина».

Дополнительно о Чудакове см. следующие ст.: «Амурский листок»; «Амурское эхо»; «Дятел, беспартийный»; «Зея»; «Колючки»; Константинов А.А.; Коротаев Ф.Ф., Малыгин П.Г.; «Народное дело»; Сивков И.М.; «Утёс»; «Чайка».

Соч.: Шпильки: Сборник стихотворений [под псевд. Язва]. Благовещенск: Издал Д. Челеби; Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. 31 с.; Пережитое: Стихи [под псевд. Босьяк]. Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с.; Очарованный леший: Драматическая сказка [под псевд. Язва]. Благовещенск, 1912. 24 с.; Сотворение Приамурья: Фельетон [под псевд. Гуслар] // Амурское эхо. 1915. 13 (26) сент.; Жертва режима (Накись революции): Фельетон [под псевд. Амурец] // Амурское эхо. 1917. №605. 13 (26) марта; Дочь шамана: Повесть [под псевд. К. Резниченко] // Дятел, беспартийный: Еженедельное лит.-сатирическое издание. 1918. №1–7; Из детства Ивана Грязнова: Повесть [под псевд. Язва] // Дятел, беспартийный: Еженедельное лит.-сатирическое издание. 1918. №3, 6; Из воспоминаний // Дятел, беспартийный: Еженедельное лит.-сатирическое издание. 1918. №4. 4 (17) февр. С. 4–6; Изгнанники: Картина из жизни в ссылке. Благовещенск, 1918. 83 с.; Сотворение Приамурья: Легенда. Пережитое: Стихи / Публ. и коммент. А. Урманова // Амур: Литературный альманах БГПУ. №7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 56–58; Шпильки / Публ. и коммент. А. Урманова // Амур: Литературный альманах БГПУ. №8. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. С. 67–71.

Лит.: Когда Язва не пьёт?: Письмо в редакцию // Амурский листок. 1910. №682. 7 сент.; «Светлой памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых»: Однодневная газета, выпускаемая комитетом по увековечиванию памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых. Благовещенск, 1920. 28 февр.; Басов М. Ф.И. Чудаков // Сибирские огни. 1922. №1. С. 158–161; Кобзарь В. «Дятел, беспартийный» // Приамурье: Лит.-художественный альманах. №1 (19). Благовещенск: Государственное редакционно-издательское малое предприятие «РИО», 1995. С. 206–210; Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков) // Амур: Литературный альманах БГПУ. №7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 47–54; Рожкова В.П. Талантливый поэт, неистовый журналист (К 120-летию со дня рождения Ф.И. Чудакова) // Приамурье – век двадцатый: Материалы региональной научно-практической конференции. Благовещенск: Амурской областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2008. С. 201–207; Урманов А.В. Амурская Саша Чёрный («Шпильки»), или Об одной считавшейся утраченной книге Фёдора Чудакова // Лосевские чтения – 2009: Материалы региональной научно-практической конференции. Выпуск 2 / Под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. С. 3–21; Урманов А.В. «Шпильки» нашлись! (Об одной лит. сенсации) // Амур: Литературный альманах БГПУ. №8. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. С. 59–66; Урманов А.В. Блистательный сатирик: Жизненная и творческая судьба Фёдора Чудакова // Дорохинские чтения: Сборник научных статей. Вып. 3 / Под ред. Г.В. Быковой и О.Ю. Галузы. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. С. 168–181; Урманов А.В. Амурская Саша Чёрный (О Фёдоре Ивановиче Чудакове) // Филологическая регионалистика: Научный и информационно-аналитический журнал. Тамбов. 2009. – №1/2. С. 42–56; Урманов А.В. Амурская Саша Чёрный // Дальний Восток: Российский литературный журнал. Хабаровск. 2010. №6. С. 164–176; Урманов А.В. Тема Китая в дореволюционной литературе Приамурья // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2010. С. 285–300; Эфендиева Г.В. Друзья-дальневосточники памяти Фёдора Чудакова (Предисловие к публикации текстов) // Амур: Литературный альманах БГПУ. №10. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 98–101.

А.В. Урманов

ЧУЕВ Феликс Иванович [4.4.1941, г. Свободный – 2.4.1999, г. Москва] – известный поэт, публицист, очеркист, прозаик.

Его отец, Иван Григорьевич (1916–1954), был лётчиком гражданской авиации и работал накануне войны в аэропорту г. Свободного. Ч. писал в 1971: «Кто в родимом, / кто в родильном доме – / я родился на аэродроме. / Так случилось – / не было больницы / в той глуши, / где батя мой служил, / но зато на свет я появился / под оркестр летающих машин. // Это не имело бы значенья / никакого вовсе для меня, / если б не моё предназначенье / видеть землю, / небо накренья». Говоря об отсутствии больницы, поэт, очевидно, имел в виду не Свободный, а посёлок аэропорта, расположенный в десяти км от города. После того как отец ушёл на фронт, Ч. с матерью, Галиной Ивановной, в 1944 уехал на Украину, где жили родственники. В стихотворении «Город Свободный» (1983) поэт писал о городе раннего детства: «Я ведь тебя не помню, / можно сказать – почти / Маленький, тихий, скромный / Город моей мечты. // Синие-синие сопки – / Там разбивалась заря, / И застывали осколки / В синих глазах декабря. // Давняя-давняя сказка, / Дальневосточный снежок. / Мамина сказка и ласка – / Родина, Дальний Восток». Ч. в стихах

нередко возвращался к раннему детству: «Как личного счастья венец...» (1978), «...Мне было три года» (1984), «Начало войны», «Амур» и др. Амурская земля – важная точка отсчёта для поэта, которую он выразил в строках: «Не крадучись, не прячась / От Зеи до Невы / Есть русская порядочность: / – Иду на вы!». О трудном детстве Ч. рассказал в документальной повести «Почему я не стал премьер-министром» (1995): «Первые мои дальневосточные

годы видятся мне в синих, голубых, лиловых тонах. Море багульника на сопках, летнее небо над ним, белесый налёт на ягодах голубицы, фиолетовый дымок костра, когда мама брала меня с собой на уборку картошки. Мама работала в аэропорту, шила ватники, гимнастёрки, ходила на воскресники – “всё для фронта, всё для победы!”...».

Школьные годы Ч. прошли в Кишинёве. В 1954 умер от фронтовых ран отец, а вскоре ушла из жизни и мать. О своих родителях Ч. спустя годы напишет немало проникновенных строк, посвятит им венок сонетов «Любовь моих родителей» (1977), а об отце создаст цикл стихов «Батя» (1958–1962). Вместе с младшим братом Сашей Ч. воспитывался бабушкой. Школу он окончил с золотой медалью, мечта пойти по стопам отца, поступить в лётное училище не сбылась – не прошёл медкомиссию. Поступил учиться на ф-т автоматики и вычислит. техники Московского энергетич. ин-та. В студенческие годы посещал аэроклуб, прыгал с парашютом, совершал первые самостоятельные полёты. По оконч. ин-та в 1964 работал авиационным инженером. Первые стихи Ч. были опубликованы в 1956 в газете «Молодёжь Молдавии». Одна из его первых книг называлась «Год рождения 41-й» (1964). С самого нач. поэтической биографии главными темами Ч. был патриотизм, судьба старшего (отцовского) и послевоенного поколений, а также авиация. Его особая любовь к авиации отразилась в названиях многих поэтич. книг: «Соколиная песня крыла» (1970), «Вечный лётчик» (1982), «Крылатая книга» (1988) и др. Его недаром признавали «первым поэтом авиации» – он больше чем кто-либо из поэтов писал о ней. Прославленный лётчик Герой Советского Союза М. Громов в предисловии к «Крылатой книге» Ч. вспоминал: «Я знаю случай, когда у погибшего пилота нашли в планшете сборник стихов Феликса Чуева, я видел фотографии обелисков с выбитыми на них чуевскими строками». Ч. лично знал многих знаменитых лётчиков и космонавтов, встречался с Ю. Гагариным, которому тоже посвящал стихи. Произведения Ч. об авиации были известны и популярны и у амурских авиаторов – и военных, и гражданских. После окончания Высших лит. курсов (1971) Ч. полностью посвятил себя лит. работе: трудился в издательстве, занимался переводами, был секретарём правления Союза писателей СССР, много издал стихотворных книг. На стихи Ч. писали музыку известные композиторы В. Шаинский, Е. Дога и др. Немало песен на его стихи создал и двоюродный брат поэта – народный артист России, композитор Михаил Чуев.

В конце 1970-х Ч. обратился к жанру историко-документ. прозы. В 1978 в популярной серии ЖЗЛ вышла его книга «Стечкин» – об известном учёном-конструкторе, впоследствии в этой же серии вышла книга «Ильюшин» (1998). В этой книге Ч. упоминает о том, что знаменитый авиаконструктор в молодости (1911–1912) работал на строительстве Амурской ж.д., на ст. Буря – чернорабочим, смазчиком букс, табельщиком.

В апр. 1986 исполнилась давняя мечта Ч. – он приехал в Амурскую обл., побывал в Благовещенске, Свободном. По признанию писателя, это было для него, как чудо – вернуться через 40 лет в город, где родился. В Свободном он, прежде всего, попросил отвезти его в аэропорт, где прошли детские годы, откуда на фронт ушёл отец, где работала мать. Спустя